

ОТКРЫТОЕ ПРИМЕНЕНИЕ РАЗУМА:
СОКРАТ И КАНТА. А. Элбакян¹

Канта сравнивают с Сократом, поскольку эти два философа во многом похожи. Оба мыслителя являются центральными фигурами своего времени. Кант совершил переворот в философии Нового времени, занимаясь вопросами этики и эпистемологии; такой же переворот в древнегреческой философии осуществил Сократ. Образ Сократа продолжает вдохновлять современных исследователей, а основные черты этого образа – рациональность и публичность. О Сократе говорят как об архирационалисте и основателе науки и философии в целом. Кроме того, он практиковал философию публично, выступая в этом смысле антиподом другого древнегреческого философа – Пифагора, доктрины которого были тайными. Соединяясь в образе Сократа, публичность и рациональность взаимно обуславливают друг друга. Это вновь сближает древнегреческого философа с Кантом, который выдвинул концепцию публичного и частного использования разума. Сегодня термин «публичность» следует заменить более точным термином «открытость». Как и публичность, открытость подразумевает доступность знания для как можно большего числа людей. Однако открытость – это более широкое понятие: она позволяет и объяснить взаимосвязь свободы разума и его публичности, о которой говорит Кант, и провести демаркационную линию между Сократом и другими публичными интеллектуалами – софистами. Если софисты стремились к личной выгоде и популярности, то для Сократа занятие философией было формой самопожертвования на благо общества; это привело софистов к релятивизму, а Сократа – к открытию рационального мышления. Вывод состоит в том, что открытость, понимаемая как доступность знания и возможность его развития, является ключевым компонентом рациональности.

Ключевые слова: Кант, публичное применение разума, рациональность, Сократ, античная философия, софисты, пarrhesia, открытость

¹ Институт философии, Российская академия наук, Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12. Поступила в редакцию: 26.12.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-2

OPEN USE OF REASON:
SOCRATES AND KANTA. A. Elbakyan¹

Kant is compared with Socrates because the two philosophers have much in common. Both thinkers were central figures in their time. Kant revolutionised the philosophy of the modern period dealing with questions of ethics and epistemology; Socrates brought about a similar revolution in ancient Greek philosophy. The image of Socrates continues to inspire modern scholars, the main features of this image being rationality and publicity. Socrates is seen as an arch-rationalist and the founder of science and philosophy as a whole. Besides, he practised philosophy publicly, being an antipode of another ancient Greek philosopher, Pythagoras, whose doctrines were secret. Coming together in the image of Socrates, publicity and rationality mutually condition each other. This again is a feature shared with Kant who put forward the concept of the public and private use of reason. Today, the term “publicity” should be replaced by the more accurate term “openness.” Like publicity, openness implies accessibility of knowledge to the largest possible number of people. However, openness is a broader concept: it makes it possible both to explain the interconnection between the freedom of reason and its publicity advocated by Kant and to draw a demarcation line between Socrates and the Sophists who were also public intellectuals. Whereas the Sophists sought personal gain and popularity, Socrates viewed the practice of philosophy as a form of self-sacrifice for the good of society; this led the Sophists to relativism and Socrates to the discovery of rational thinking. The conclusion is that openness, interpreted as accessibility of knowledge and the possibility of its development, constitutes the key component of rationality.

Keywords: Kant, public use of reason, rationality, Socrates, ancient philosophy, Sophists, parrhesia, openness

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12 Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia.
Received: 26.12.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-2

Введение

Кант, без сомнения, является мыслителем, который совершил переворот в философии. Владимир Соловьев писал, что философский критицизм Канта стал поворотной точкой в истории человеческой мысли, а все развитие философии надо делить на два периода: до Канта и после (Соловьев, 1988, с. 441). Во многом немецкий философ похож на Сократа (Kreeft, 2009; Velkley, 1985) не только содержательно, но и по степени своего влияния. Подобно Канту, Сократ делит историю античной философии на два периода. Если ранние греческие мыслители занимались поиском фундаментальных оснований бытия, то Сократ совершил «антропологический поворот»: с этого времени главным предметом философии стали человек и общество. Свидетельство этому можно найти у Цицерона:

...от древнейшей философии до самого Сократа... главным предметом философии были числа и движения: откуда все берется, к чему приходит, какова величина светил, расстояния между ними, пути их и прочие небесные явления. Сократ первый свел философию с неба, поселил в городах, ввел в дома и заставил рассуждать о жизни и нравах, о добре и зле.

Разнообразные его способы спора, богатство предметов и величие дарования, увековеченные памятью и писаниями Платона, породили множество разногласных философских школ (Цицерон, 2017, с. 278).

На протяжении многих веков образ Сократа вдохновляет самых разных мыслителей. К нему обращаются многие философские школы: он становится как образцом мудреца и примером для подражания, так и объектом критики, в зависимости от интеллектуальных установок той или иной школы (Караваяева, 2018, с. 5). Христианские философы увидели в Сократе мученика, который был осужден обществом и казнен за свои истинные убеждения (Пантелеев, 2013, с. 669). Климент Александрийский называл Сократа центральной фигурой греческой философии

Introduction

Kant is indisputably a thinker who initiated a revolution in philosophy. Vladimir S. Solovyov (1988, p. 441) wrote that Kant's philosophical critique was a turning point in the history of human thought, such that the whole development of philosophy should be divided into two periods: before and after Kant. The German philosopher is in many ways similar to Socrates (Kreeft, 2009; Velkley, 1985), not only in substance but also in the extent of his influence. Like Kant, Socrates divides the history of ancient philosophy into two periods. While earlier Greek thinkers searched for the foundations of being, Socrates brought about "an anthropological turn": from then on the main subject of philosophy has been man and society. This is witnessed by Cicero (1990, p. 85):

[...] from ancient philosophy down to Socrates, [...] the subjects treated were numbers and motions, and from what sources all things originated and to what they returned. The sizes of the stars, the distances between them, and their paths were enthusiastically investigated, and all celestial phenomena. But Socrates was the first to summon Philosophy down from heaven, settle her in cities and even bring her into homes, and make her inquire about life and morals and things good and evil.

11. His varied techniques of discussion and range of topics and intellectual stature, immortalised in Plato's written record, produced several types of philosophers holding different views.

The image of Socrates has inspired many diverse thinkers for centuries. Many philosophical schools turn to him: he is both a model wise man and an example to be emulated and a target of criticism, depending on the intellectual attitude of this or that school (Karavaeva, 2018, p. 5). Christian philosophers saw Socrates as a martyr who was con-

фии, а Эразм Роттердамский говорил о нем как о «воплощении настоящего философа» (Каравалева, 2020, с. 50). Таким же он остается и в глазах современных исследователей.

Поскольку Сократ является центральной фигурой философской античности, исследование его образа представляет особый интерес. Такое исследование может пролить свет на некоторые важные проблемы современной философии — в частности, на проблему рациональности. Гипотеза данной статьи состоит в том, что открытость является ключевой предпосылкой рационального мышления. Это будет показано на примере того, как открытость и рациональность соединяются в образе Сократа. Позднее эта идея нашла свое отражение в концепции публичного применения разума у Канта; в связи с этим в статье рассматриваются взаимосвязь и отличия близких по смыслу понятий «открытость» и «публичность» и приводится обоснование того, что в произведениях Канта речь идет именно об *открытом* использовании разума, поскольку термин «открытый» является наиболее корректным по смыслу вариантом перевода немецкого слова *öffentlich* в контексте произведений Канта. Последний раздел статьи посвящен анализу открытости в культуре греческого полиса: именно открытость отличает Сократа от других публичных интеллектуалов — софистов.

Рациональный Сократ

Современные философы находят в античном мудреце идеал рационального мышления. Например, у Кристал Эдди можно прочесть следующее:

Сократ выступает номинальным главой в истории западной философии и зачастую воспринимается как главный поборник разума и рациональности. В истории современной классической и философской мысли Сократ воспринимается как образец рациональности и разума, основатель традиции рационального поиска и западной философии в целом. <...>

demned by society and executed for his true convictions (Panteleev, 2013, p. 669). Clement of Alexandria called Socrates the central figure of Greek philosophy and Erasmus said that he was “an embodiment of a true philosopher” (Karavaeva, 2020, p. 50). This is how he is seen by present-day researchers.

Because Socrates is the central figure of ancient philosophy the study of his image is of particular interest. Such a study may shed light on some important problems of modern philosophy, notably the problem of rationality. My hypothesis is that openness is the key prerequisite of rational thinking. I propose to illustrate this by showing how openness and rationality are combined in the image of Socrates. The same idea was later reflected in Kant’s concept of the public use of reason; in this connection I examine the interconnection and difference between the similar concepts of “openness” and “publicity” and argue that Kant had in mind precisely the *open* use of reason because the term “open” is the most appropriate translation of the German word *öffentlich* in the context of Kant’s works. The final part of the article is devoted to the analysis of openness in the culture of the Greek polis: it was openness that distinguished Socrates from the other public intellectuals, the Sophists.

Rational Socrates

Modern philosophers consider the ancient sage to be the ideal of rational thinking. Crystal Addey (2014, p. 51) writes:

Socrates stands as a figurehead in the history of Western philosophy and is often perceived as the champion of reason and rationality. Within the history of modern classical and philosophical scholarship, Socrates has been perceived as the paragon of rationality and reason, the founder of both rational enquiry

Хоть недавно [это мнение] и столкнулось с некоторыми трудностями, представление о Сократе как об архирационалисте сегодня остается доминирующей точкой зрения (Addey, 2014, p. 51).

При этом «рациональность» можно считать относительно новым термином философского дискурса, который стал широко применяться только начиная с XX в. — тогда же возникли и многочисленные концепции, которые по-разному интерпретировали данное понятие, из-за чего оно стало одним из наиболее дискуссионных. Несмотря на это, практически всегда в качестве эталона рационального познания рассматривается современная наука, а само понятие «рациональности» выступает синонимом «разумности». Сегодня рациональность остается одной из наиболее «актуальных, интересных и перспективных тем философского исследования» (Шульга, 2019, с. 226).

Если говорить о том, как исторически складывался образ рационального Сократа, то есть Сократа как рационально мыслящего индивида, то его штрихи можно увидеть уже в работах Эразма Роттердамского. Эразм указывал на то, что, по Сократу, единственный путь к счастью — это устроить свою жизнь в соответствии с разумом, а не по велению страстей (Эразм, 1987, с. 115; см. также: Караваяева, 2020, с. 49). Тем не менее для Эразма Сократ — прежде всего образец христианской добродетели. Современный подход к интерпретации образа Сократа, где главный акцент делается именно на разуме и рациональности, появился, по всей видимости, только в XVIII в., вместе с философией утилитаризма. Философы викторианской эпохи, продолжая традицию Возрождения, видели в Сократе не только истинного философа и праведника, но мученика, подобного Христу (см.: Kraut, 2022). Однако суть его конфликта с обществом заключалась теперь в том, что Сократ стал основателем современного, научного взгляда на мир.

and the Western philosophical tradition. [...] Despite recent challenges, the view of Socrates as an arch-rationalist remains the predominant perspective today.

“Rationality” is a relatively recent term of philosophical discourse and did not gain currency until the beginning of the twentieth century, which saw such a proliferation of interpretations of this concept that it became one of the most debated ones. Even so, the standard of rational thinking is almost invariably considered to be modern science and the concept of “rationality” is a synonym of “reasonableness”. Today rationality remains one of the most “relevant, interesting and promising themes of philosophical research” (Shulga, 2019, p. 226).

If we look at how the image of the rational Socrates, i.e. Socrates as a rationally thinking individual, took shape historically, some touches can be seen already in the works of Erasmus of Rotterdam. Erasmus (1905, pp. 89-90) pointed out that, according to Socrates, the only road to happiness is to arrange one’s life in accordance with reason and not the bidding of passions (*cf.* Karavaeva, 2020, p. 49). Nevertheless, Erasmus considered Socrates to be a paragon of Christian virtue. The modern perception of Socrates, which stresses reason and rationality, probably appeared only in the eighteenth century together with the philosophy of utilitarianism. Philosophers of the Victorian era, continuing the Renaissance tradition, saw Socrates not only as a true philosopher and a righteous person, but also as a Christ-like martyr (see Kraut, 2022). But the essence of his conflict with society now lay in the fact that Socrates became the founder of the modern scientific view of the world.

Friedrich Nietzsche, too, considered Socrates to be the founder of rationality. He wrote that the rational, “Apollonic” element in human be-

Основателем рациональности считал Сократа и Фридрих Ницше, писавший, что рациональному, или «аполлоническому», началу в человеке противостоит инстинктивное и стихийное «дионисийское». Сократ был первопроходцем, который принес рационализм в европейскую культуру, что и стало, согласно Ницше, причиной ее упадка (Ницше, 2012, с. 191–192, 195–196; см. также: Мочкин, 2005, с. 3, 35–41, 194).

Восприятие Сократа в качестве основоположника рационального метода характерно не только для зарубежных, но и для отечественных мыслителей и философов. Так, согласно концепции Сергея Аверинцева, рационализм рождался дважды, оба раза производя революцию. Первая революция случилась во времена Сократа, а вторая связана с именем Фрэнсиса Бэкона (Аверинцев, 1989, с. 336).

Русские неокантианцы, крупнейшим представителем которых является Александр Введенский, также видели в Сократе мыслителя, открывшего разум и научное знание (см.: Мочалова, 2020, с. 143). Само учение Сократа получило название «этический рационализм». Согласно Сократу, человек с помощью своего разума познает верные этические принципы и нормы, то есть они не являются результатом произвольного выбора.

Некоторую проблему для реконструкции исключительно рационально мыслящего философа создает даимон Сократа. Например, статью Томаса Брикхауса и Николаса Смита открывает следующий пассаж: «Для исследователей даимон Сократа всегда был источником немалого стыда. Проблема, конечно, в том, что Сократу предполагается служить образцом рациональности — примером “осмысленной жизни”, который определенно не позволил бы иррациональной чепухе определять его мысли и действия» (Brickhouse, Smith, 2005, p. 43).

Итак, первой и самой яркой чертой образа Сократа является его рациональность. Следующей, практически настолько же яркой, неотъемлемой составляющей образа античного философа была публичность. Она будет рассмотрена далее.

ings was opposed to the instinctive and spontaneous “Dionysian” element. Socrates was a trail-blazer who brought rationalism to European culture that would trigger, as Nietzsche (1999, pp. 62-67) states, its decline (cf. Mochkin, 2005, pp. 3, 35-41, 194).

The perception of Socrates as the founder of the rational method is characteristic of Russian thinkers and philosophers as well. For example, according to Sergey S. Averintsev (1989, p. 336), rationalism was born twice, each time bringing about a revolution. The first revolution occurred in the time of Socrates and the second is associated with the name of Francis Bacon.

Russian Neo-Kantians, the most important of whom was Alexander I. Vvedensky, also saw Socrates as the thinker who discovered reason and scientific knowledge (see Mochalova, 2020, p. 143). The teaching of Socrates, dubbed “ethical rationalism”, maintained that the human being uses reason to cognise the right ethical principles and norms, i.e. they are not chosen at random.

Socrates’ *daimonion* created something of a problem for the reconstruction of the image of a perfectly rational philosopher. For example, the article by Thomas C. Brickhouse and Nicholas D. Smith (2005, p. 43) opens with the following words: “Socrates’ *daimonion* has been a source of considerable embarrassment to scholars. The problem, of course, is that Socrates is supposed to be a paragon of rationality — an exemplar of ‘the examined life’, who, we must surely not suppose, would allow irrational nonsense (such as paranormal phenomena) to influence his thoughts or actions.”

So, the first and most salient feature of the image of Socrates was his rationality. The second, equally salient, feature and an inalienable element of the ancient philosopher’s image was publicity. It will be considered below.

Сократ: публичный интеллеktуал

В современной философской литературе сложился образ Сократа как публичного интеллеktуала. Например, согласно Давиду Ноксу, Сократ был первым профессором, поскольку он всегда работал на публике — а слово «профессор» на латинском языке буквально означает «публичный учитель» (Кнох, 1998, р. 119). Кристиан Вайлдберг сравнивает Сократа с Еврипидом: оба они были примерно одного возраста, оба жили в одном городе во времена его расцвета — и оба были известными «публичными интеллеktуалами» (Wildberg, 2006, р. 24). В «Пире» Сократ изображен как учитель, работа которого была чересчур публичной — слишком публичной для его собственной безопасности (Lamberton, 1995, р. 139).

Сократ в этом смысле является литературным антиподом Пифагора. Если о Сократе различные авторы говорят в первую очередь как о человеке публичном, то Пифагор, напротив, представлен в позднеантичных источниках как создатель тайного учения. Согласно описанию Ямвлиха Халкидского, учение Пифагора состояло из двух частей. Одна часть, которая была посвящена тому, как правильно организовать семейную и политическую жизнь, открыто проповедовалась для всех людей. Другая часть учения Пифагора, которая касалась более глубоких вопросов религии и философии, была непубличной: она была предназначена только отдельным ученикам, которые проходили строгий и длительный отбор и должны были хранить молчание (Ямвлих, 2002, с. 56—57). Именно на этом тайном знании делали основной акцент позднеантичные авторы в своих изложениях учения Пифагора.

Интересно, что в диалоге «Теэтет» Сократ говорит и о Протагоре как о философе, учение которого было тайным, — хотя здесь это скорее ирония: «Тогда, клянусь Харитами, Протагор был премудр и эти загадочные слова бросил нам, всякому сброду, ученикам же своим втайне

Socrates: The Public Intellectual

In modern philosophical literature Socrates has the reputation of being a public intellectual. For example, according to David Knox (1998, p. 119), Socrates was the first professor because he always worked in public, and the word “professor” literally means “public teacher”. Christian Wildberg (2006, p. 24) compares Socrates to Euripides: both were about the same age, both lived in one city at the time of its flourishing and both were famous “public intellectuals.” In the *Symposium* Socrates is portrayed as a teacher whose work was too public, i.e. too public for his own safety (Lamberton, 1995, p. 139).

In that sense Socrates is a literary antipode of Pythagoras. While Socrates is described by various authors as above all a public person, Pythagoras, by contrast, is presented in late ancient sources as the creator of a secret teaching. According to Iamblichus of Chalcis, Pythagoras’ teaching consisted of two parts. One part was about how to organise family and political life properly and was openly preached for all people. The other part treated of more profound religious and philosophical questions and was not public. It was intended only for some pupils who underwent a rigorous and prolonged selection and had to keep silent (Iamblichus, 1989, pp. 31-32). The late ancient authors presenting Pythagoras’ teaching stressed this secret knowledge.

Interestingly, in the dialogue *Theaetetus* Socrates calls Protagoras, too, a philosopher whose teaching was secret, but that was probably irony: “Was Protagoras a man with no gaps in his wisdom, who issued that hint to us nondescript masses, while he told the truth to his disciples in secret?” (Plato, 2014, p. 18).

рассказал истину» (Платон, 2007, с. 245). В отличие от Протагора, Сократ был готов вести философские дискуссии с любым человеком. Как отмечает Дебра Нейлз, «Сократ вел дискуссии на агоре и в других публичных и частных местах с самыми разными людьми: старыми и молодыми, мужчинами и женщинами, рабами и свободными — то есть практически с кем угодно, кого ему удавалось убедить присоединиться к его методу вопросов-и-ответов для обсуждения серьезных вопросов» (Nails, 1995, p. 296).

Говоря о публичном характере античной философии времен Сократа, Сергей Лебедев предлагает концепцию «двух векторов» — горизонтального и вертикального (Lebedev, 2019). Ранние греческие натурфилософы представляют вертикальный вектор. Они не беспокоились о том, чтобы иметь учеников и передавать свое знание; поэтому они часто оставались непонятыми, подвергались насмешкам со стороны толпы и отвечали на это презрением к большинству. Однако ситуация меняется с возникновением софистики — фундаментально иного вида философии. Софисты сделали философию основным инструментом достижения социального успеха — власти, известности, богатства, то есть всего того, что не имело никакого значения для мыслителей более раннего времени. Как следствие, публичность у софистов стала необходимым элементом философии, а сама философия — доступной для широких масс. Используя терминологию Лебедева, можно сказать, что направленность философии становится горизонтальной.

На этом же этапе возникает диалогическая форма философствования взамен монолого-поэтической формы, которая была характерна для ранней натурфилософии, — как результат того, что софисты зарабатывали социальный капитал, побеждая противников в публичных спорах. Несмотря на то что Сократ во многом противопоставляет себя софистам, он все же является наследником традиции софистов в том, что практикует философию публично.

Unlike Protagoras, Socrates was ready to conduct philosophical discussions with anyone. As Debra Nails (1995, p. 296) notes, “Socrates conversed on the agora and in other public and private places with a variety of different people (young and old, male and female, slave and free) — that is, with virtually anyone he could persuade to join with him in his question-and-answer method of conversing about serious matters.”

Speaking about the public character of ancient philosophy at the time of Socrates, Sergey P. Lebedev (2019) proposes the concept of “two vectors”, the horizontal and the vertical. Early Greek natural philosophers represent the vertical vector. They did not bother to have disciples and share their knowledge; that is why they often were not understood, jeered at by the crowd to whom they responded with scorn for the majority. The situation changes with the emergence of Sophism, a fundamentally new type of philosophy. Sophists made philosophy the main instrument for achieving success, i.e. power, fame, wealth and everything else that had little meaning for earlier thinkers. Accordingly, for the Sophists, publicity became a necessary element of philosophy and philosophy became accessible to the masses. Using Lebedev’s terminology, it can be said that the vector of philosophy becomes horizontal.

This stage saw the emergence of the dialogic form of philosophical discourse which replaced the monologue-poetic form characteristic of early natural philosophy as a result of the fact that Sophists desired to garner social capital by defeating their opponents in public debates. Although Socrates in many ways claims to be an opponent of the Sophists, he is an heir to the Sophists’ tradition in that he practises philosophy publicly.

В очень похожем ключе рассуждает Марта Нуссбаум, согласно которой есть две концепции философии. Первая заключается в том, что изучение философии доступно лишь немногим людям, которые предрасположены к этому природой, а также в некоторой степени достатком и социальной позицией. Задача философии здесь — описание некоторых вечных истин. Такая философия не стремится к практической мудрости, а скорее презирает ее, направляя человека к теоретической созерцательной жизни. Вторая концепция исходит от Сократа и, напротив, подчеркивает практический характер философии, задача которой — рациональный поиск лучшей жизни для человека и всего общества. В этом случае философское образование должно распространяться максимально широко — оно пригодно для всех рациональных людей, которые способны рассуждать. А ученик уже не является пассивным получателем истин извне, а активно участвует в процессе обучения. Нуссбаум подчеркивает, что перечисленные элементы — практическая ориентация, активность и всеобщность — тесно взаимосвязаны друг с другом (см.: Nussbaum, 1988).

Дирдри Кёртин в работе, которая посвящена проблеме доступа к секретной информации, также называет публичность «сократическим» элементом. При этом она имеет эпистемологическое значение: аргументирование на публике создает «необходимость тщательно артикулировать свою позицию, защищать ее от неожиданных контраргументов, принимать во внимание противоположные точки зрения, раскрывать последовательность рассуждений и открыто декларировать принципы, к которым апеллирует рассуждающий» (Curtin, 2014, p. 688).

Таким образом, в историко-философской традиции Сократ выступает как рациональный и как публичный мыслитель: эти две особенности являются наиболее яркими чертами его образа. Так подтверждается гипотеза о том, что рациональность и публичность взаимосвязаны, а публичность выступает предпосылкой или условием для появления и развития рационального дискурса.

Reasoning in the same vein, Martha Nussbaum speaks about two conceptions of philosophy. The first holds that the study of philosophy is within the intellectual reach of only very few people, who have a natural bent for it and also, to some extent, have wealth and social status. The task of philosophy here is to describe some eternal truths. Such philosophy does not seek practical wisdom and rather despises it, directing the human being towards the theoretical, contemplative life. The other conception goes back to Socrates and, by contrast, stresses the practical character of philosophy whose task is rational search for a better life for human beings and the whole of society. In that case, philosophical education should be as widespread as possible, being suitable for all rational people who are capable of reasoning. A disciple is no longer a passive recipient of truths from outside but is actively involved in the process of teaching. Nussbaum (1988) stresses that all these elements — practical orientation, activity and universality — are interconnected.

Deirdre Curtin, in a work devoted to the problem of access to secret information, also refers to publicity as a “Socratic” element. She is concerned with the epistemological aspect: arguing in public implies “the necessity to articulate one’s position carefully, to defend it against unexpected counter arguments, to take opposing points of view into consideration, to reveal the steps of reasoning one has used, and to state openly the principles to which one appeals” (Curtin, 2014, p. 688).

Thus, in the historical-philosophical tradition Socrates is a rational and a public thinker: these two features are the most salient features of his image, supporting the hypothesis that rationality and publicity are interconnected, with publicity being the prerequisite or condition of the emergence and development of ra-

Но самое главное: Сократ представляет собой наиболее характерный пример публичного применения разума, о котором говорил Кант. К этой концепции Канта мы обратимся в следующем разделе.

Кант: наука и публичное применение разума

Отвечая на вопрос о том, что такое Просвещение, Кант проводит границу между публичным и частным использованием разума. Философ дает следующее определение: «Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как *ученым* перед всей *читающей* публикой. <...> ...как ученый, он имеет полную свободу, и это даже его долг — сообщать публике все свои тщательно продуманные и благонамеренные мысли...» (AA 08, S. 37–38; Кант, 1994, с. 31–32).

Таким образом, согласно Канту, публичное применение разума характерно для науки и, более того, является долгом ученого. Виктор Куприянов полагает, что Кант выступает «наиболее последовательным и ярким выразителем идеи публичности разума» (Куприянов, 2020, с. 51), однако Кант здесь не выдвигает новой концепции, а скорее описывает некое общее понимание науки, которое сложилось к концу XVIII в.

К этому времени в Европе уже сформировалось интеллектуальное сообщество, так называемая республика ученых, состоявшая из ученых мужей разной национальной и религиозной принадлежности; они вели между собой интенсивную переписку. Именно республика ученых стала «читающей публикой» для первых научных журналов, если использовать терминологию Канта. Поэтому появление института научных журналов ознаменовало собой радикальное изменение в понимании научной рациональности. Главная эпистемологическая идея, которую заключает в себе система научных журналов, — это «понимание разума как инстанции, укорененной в публичном про-

тional discourse. Most importantly, Socrates is the most typical example of the public use of reason Kant speaks about. The next section is therefore devoted to Kant.

Kant: Science and the Public Use of Reason

Answering the question “What is enlightenment?” Kant draws a boundary between public and private use of reason. He gives the following definition: “By the public use of one’s own reason I understand that use which someone makes of it as a *scholar* before the entire public of the *world of readers*. [...] But as a scholar he has complete freedom and is even called upon to communicate to the public all his carefully examined and well-intentioned thoughts [...]” (AA 08, p. 37-38; Kant, 1996, p. 18-19).

Thus, according to Kant, the public use of reason is a characteristic of science and indeed is the scholar’s duty. Victor A. Kupriyanov (2020, p. 51) believes that Kant is “the most consistent and brilliant advocate of the idea of the publicity of reason”, but he does not put forward a new concept, but rather describes a common perception of science that took shape by the late eighteenth century.

By that time Europe already had an intellectual community, “The Republic of Letters”, consisting of learned men of various national and religious affiliations; they corresponded among themselves intensively. The Republic of Letters became “the world of readers” of the first scholarly journals, to use Kant’s terminology. Thus, the emergence of the institution of scholarly journals marked a radical change in the perception of scientific rationality. The main epistemological idea of the system of scholarly journals is the “understanding of reason as something embedded in the public space” (*ibid.*, p. 54) because “recognition of

странстве» (Там же, с. 54), потому что «признание публичности разума изначально заложено в идее печатной книги и, прежде всего, журнала» (Там же, с. 51).

Эпистемологическая роль публики состоит в том, что она выступает инструментом верификации знания. В лекциях по антропологии Кант подчеркивает, что публикация работ является главным способом найти истину, «ибо для установления истины нет иного пути, как только если один человек выскажет суждение о ней и сообщит это свое суждение другим людям...» (AA 25, S. 881; цит. по: Хинске, 2007, с. 101). Именно поэтому стремление к тому, чтобы делиться своими размышлениями с другими, заложено в человека природой: «...поскольку человек мог бы сильно заблуждаться в своем частном суждении и жить в воображаемом блаженстве великих познаний, природа поставила публику подлинным судьей наших мыслей...», — утверждает Кант (Там же). Отсюда следует, что в дискуссии может принимать участие всякий человек:

Говорят, будто нехорошо, что сегодня всякий имеет право думать и писать по теологическим вопросам. Но сообщение есть природное влечение; ибо как же будет установлена истина, если мы замкнем наше мнение только на нас самих? Итак, это природное влечение, очевидно, имеет целью определение человеческого рода посредством общедоступной истины; ведь одно суждение исправляет другое, и потому склонность проверять наши суждения разумом других есть такое средство, которого не может отвергнуть и самый мудрый человек (Там же).

Главный вывод, который отсюда следует, состоит в том, что публичность есть «сущностная характеристика разумности», по крайней мере относительно того, как разумность понимается в современной науке.

В очень близком ключе рассуждает и Лебедев, концепция которого была рассмотрена ранее. Согласно Лебедеву, субъектом познания в современной науке и философии выступает

the public nature of reason is inherent in the idea of the printed book, above all the journal" (*ibid.*, p. 51).

The epistemological role of the public is to be an instrument of verification of knowledge. In his lectures on anthropology Kant stresses that the publication of works is the key method of finding the truth, "for there is no way to establish the truth other than if one person makes a judgment on it and communicates this judgment to other people [...]"² (*V-Anth/Mensch*, AA 25, p. 881). That is why the desire to share one's thoughts with others is built into human beings by nature: "because man might be greatly deluded in one's private judgment and live in an imagined bliss of vast knowledge, nature has made the public the true judge of our thoughts [...]"³ Kant maintains (*ibid.*) Hence any man can take part in a discussion:

They say that it is not good that anyone today has the right to think and write on theological questions. However, this is incorrect because none can forbid me to think and communication is a natural drive; otherwise how can the truth be established if we keep our opinion to ourselves? This natural drive is clearly aimed at forming the human race through commonly perceived truth; for one judgment improves another, and the inclination to check our judgments against the reason of others is a means even the wisest of men cannot reject (*ibid.*)⁴

² "[...] denn es geht nicht anders an, daß Wahrheit ausgemacht werde, als daß ein Mensch darüber urtheilt, dieses sein Urtheil andern Menschen mittheilt [...]"

³ "[...] denn da der Mensch in seinem Privaturtheile sich sehr irren und in einer geträumten Glückseligkeit von vieler Einsicht leben könnte, so hat die Natur zum wahren Richter unserer Gedanken das Publicum gesetzt [...]"

⁴ "Man sagt, es sey nicht gut, daß heutzutage in theologischen Sachen einem jeden freistehe zu denken und zu schreiben was er will, aber daß ist unrecht, denn das dencken kan mir ja keiner verbieten, und das Bekanntmachen ist aber ein Trieb der Natur; denn wie soll Wahrheit ausgemacht werden, wenn wir die Meinung nur in uns selbst verschließen? Dieser Trieb der Natur hat also offenbar zur Absicht, das menschliche Geschlecht durch gemeinschaftliche Wahrheit zu bestimmen; ein Urtheil verbessert doch das andere und daher ist der Hang, unsere Urtheile an fremder Vernunft zu prüfen, ein Mittel, das der Weiseste nicht ausschlagen kann."

«не столько индивидуальный исследователь, сколько сообщество соревнующихся между собой исследователей и даже институтов», иными словами, процесс познания является в своей основе публичным (Lebedev, 2019, p. 177).

Открытость и публичность

В оригинальном тексте Кант, говоря о публичном использовании разума, применяет немецкое слово *öffentlich*: «В качестве же ученого, который через свои произведения говорит с настоящей публикой, а именно с миром, стало быть при публичном [*öffentlich*] применении своего разума, священник располагает неограниченной свободой пользоваться своим разумом и говорить от своего имени» (AA 08, S. 38; Кант, 1994, с. 33).

Как в современном русском, так и в английском переводах Канта слово *öffentlich* переведено как «публичный», что в целом соответствует его словарному значению. Вместе с тем словари дают и другие, альтернативные варианты перевода, такие как «открытый», «общедоступный» (Зайцева, 1998, с. 129; Рахманов и др., 1983, с. 350). Электронный словарь Дудена приводит следующие значения этого слова: то, что каждый может видеть и слышать; не секретный, доступный для всех (*Öffentlich*, 2023). Как будет показано далее, именно слово «открытый» является наиболее точным и верным термином для перевода Канта, так как оно имеет гораздо более богатую семантику и позволяет поместить рассуждения Канта в широкий философский контекст.

Современная эпистемология достаточно много говорит об открытости; при этом имеется в виду не общедоступность или публичность, а открытость для критики. Такой подход связан с именем Карла Поппера и его концепцией критического рационализма. Согласно Попперу, прогресс науки происходит путем постоянной критики принятых на данный момент теорий и концепций, в результате которой лож-

The main conclusion that follows from this is that publicity is “an essential characteristic of reasonableness”, at least in terms of how reason is understood in modern science.

Lebedev, whose concept has been analysed earlier, reasons in much the same way. According to Lebedev (2019, p. 177), the subject of cognition in modern science and philosophy is “not so much an individual as a community of competing individuals or even institutions”, in other words, the process of cognition is essentially public.

Openness and Publicity

In the original text Kant, speaking about the public use of reason, uses the German word *öffentlich*: “[...] as a scholar, who by his writings speaks to the public in the strict sense, that is, the world — hence a clergyman in the public [*öffentlich*] use of his reason — he enjoys an unrestricted freedom to make use of his own reason and to speak in his own person” (WA, AA 08, p. 38; Kant, 1996, p. 19).

Both in contemporary Russian and English translations of Kant the word *öffentlich* has been translated as “public,” which generally corresponds to the dictionary meaning. At the same time dictionaries offer alternative variants of translation, for example, “open” and “generally accessible” (Zaitseva, 1998, p. 129; Rakhmanov, et al., 1983, p. 350). *Duden’s* electronic dictionary gives the following meanings of the word: “what everyone can see and hear; not secret, accessible to all” (Duden, 2023). As will be shown below, the word “open” is the most accurate and correct term for translating Kant since it has a broader semantics and makes it possible to place Kant’s discourse in a broader philosophical context.

Contemporary epistemology often speaks about openness meaning not its general accessibility or publicity, but openness to criticism.

ные концепции опровергаются и вместо них выдвигаются новые (Поппер, 1983, с. 226–230). Поппер затем применил этот подход в социальной философии, предложив термин «открытое общество» для обозначения такого социального устройства, которое способствует постоянному прогрессу и развитию, и противопоставил открытые общества закрытым, существующим в рамках неизменных табу, законов и обычаев (Поппер, 1992), что довольно близко к пониманию открытых и закрытых обществ у французского философа Анри Бергсона (Бергсон, 1994). Таким образом, «открытость» стала означать допустимость критики и возможность развития и изменения под воздействием этой критики. В таком значении этот термин использует Владимир Швырёв, когда говорит об открытой и закрытой рациональности. Если закрытая рациональность действует всегда в рамках определенной теории, концепции или картины мира, то открытая предполагает возможность критической рефлексии и выхода за рамки исходных предпосылок (Швырёв, 2003). В науке в подавляющем большинстве случаев работает закрытая рациональность: она проявляется в утверждении определенной теории или концепции, ее разработке и распространении. Однако только открытая рациональность представляет собой рациональность «на высоте ее возможностей», благодаря которой происходит постоянное развитие познавательных возможностей человека и расширение горизонтов постижения реальности. Согласно Швырёву, различие открытой и закрытой рациональности близко к различению разума и рассудка у Канта и Гегеля (Там же, с. 60).

Понимание открытости знания как доступности его для широкой публики можно найти в работе Адина Штейнзальца: открытое знание есть такое знание, доступ к которому возможен для всех и каждого. Штейнзальц говорит о том, что только открытое знание является рациональным, поскольку рационализм —

This approach is associated with Karl Popper and his concept of critical rationalism. According to Popper (1985, pp. 279-281), scientific progress takes place by way of constant critique of current theories and concepts as a result of which false concepts are refuted and new ones are put forward in their place. Popper (2020) went on to apply this approach to social philosophy proposing the term “open society” to denote the social order which contributes to constant progress and development and contrasting open societies with closed ones which live in the framework of perpetual taboos, laws and customs. This is close to the concepts of open and closed societies advanced by the French philosopher Henri Bergson (2002). Thus, “openness” has come to denote openness to criticism and the possibility of development and change under the influence of criticism. Vladimir Shvyrev (2003) uses the term in this meaning when he speaks about open and closed rationality. Whereas closed rationality always proceeds within the framework of a certain theory, concept or picture of the world, open rationality presupposes possible critical reflection and the possibility to go beyond the initial premises. Science in an overwhelming majority of cases operates within the paradigm of closed rationality: assertion of a certain theory or conception, its elaboration and dissemination. However, only open rationality is “full-fledged” rationality, thanks to which the human being’s cognitive potential constantly grows and the possibility of understanding reality broadens. Shvyrev believes that the difference between open and closed rationality is similar to the difference between reason and understanding according to Kant and Hegel (*ibid.*, p 60).

We can find an understanding of openness of knowledge as its accessibility to the general public in the work of Adin Steinsaltz: open knowledge is knowledge accessible to each and

это форма существования идеала открытого знания (Штейнзальц, 1997, с. 78). В качестве примера общества, где практиковалось открытое знание, автор приводит Древнюю Грецию. Однако в целом для современной эпистемологии понимание открытости как публичности нехарактерно.

Если же говорить о современной науке, то здесь понятие «открытости» связано с движением за открытый доступ к научному знанию, которое набрало большую популярность в последние двадцать лет. Речь идет об открытом доступе к научным журналам. К концу XX в. стоимость подписки на научные журналы сильно выросла, в результате чего они стали недоступны для публики в целом, а доступ для самих ученых стал ограниченным. Поэтому появилось движение ученых и библиотекарей, которые стали выступать за устранение финансовых барьеров, за бесплатный, или свободный, доступ к журналам (см.: Московкин, 2008). На первый взгляд может показаться, что речь идет только о социально-экономической проблеме, однако сами ученые видят в этом и противоречие принципам научной этики, которое препятствует научному прогрессу. Более того, современное движение за открытый доступ к результатам интеллектуальной деятельности напрямую связывают с появлением системы научных журналов в XVII в., которые в свое время сделали научное знание открытым, то есть общедоступным, или публичным, о чем подробнее говорилось в предыдущем разделе. Тогда произошла первая научная революция, а сегодня происходит вторая (см.: Bartling, Friesike, 2014)².

² Надо отметить, процесс перехода к открытой науке сопряжен с большими проблемами: например, сегодня общепринятой стала практика, когда автор научной статьи должен сам оплачивать публикацию собственной статьи в журнале, при этом в зарубежных изданиях цены могут доходить до нескольких тысяч долларов — иными словами, вместо барьеров для читателей появились барьеры для авторов. Создание барьеров для авторов — порочная практика, однако она не является необходимым условием для откры-

every person. Steinsaltz (1997, p. 78) says that only open knowledge is rational because rationalism is a form of the existence of the ideal of open knowledge. He cites ancient Greece as an example of a society where open knowledge was practised. However, the notion of openness as publicity is not characteristic of modern epistemology.

Speaking about modern science, the concept of “openness” here is connected to the movement for open access to scientific knowledge, which has become very popular in the past twenty years. This is about access to scientific journals. The cost of subscribing to scientific journals had risen dramatically by the end of the twentieth century, so that they became inaccessible for the public at large and accessible only on a limited scale to the scientists themselves. This gave rise to a movement of scientists and librarians for the removal of financial barriers and for free access to journals (*cf.* Moskovkin, 2008). It may seem at first sight to be only a socio-economic problem, but scientists see here a challenge to the principles of scientific ethics which impede scientific progress. Moreover, the modern movement for open access to the results of intellectual activity is directly associated with the emergence of the system of scientific journals in the seventeenth century which in its time made scientific knowledge open, i.e. accessible or public. More has been said about this in the previous section. That period saw the first revolution in science and today we are witnessing a second revolution (*cf.* Bartling and Friesike, 2014).⁵

⁵ It has to be noted that transition to an open science involves serious problems: for example, today it has become common practice for the author of a scientific article to pay for the publication of his/her article in a journal, with prices in periodicals outside Russia reaching several thousand dollars. In other words, instead of barriers for readers there have emerged barriers for the authors. Creation of barriers for the authors is a deplorable practice, however, it is not a necessary condition of open access as witnessed by the case of many publications in Russia and abroad which are free for readers

Таким образом, в современной науке сложилось понимание «открытости» как доступности знания для публики, в то время как философия науки продолжает в целом понимать открытость по Попперу (см., например: Longino, 1990; Montmarquet, 1987; Baehr, 2011). Это разногласие возникло, вероятно, потому что движение за открытый доступ, будучи одним из самых ярких феноменов современной науки, до сих пор не получило теоретического философского осмысления.

Так или иначе можно говорить о двух смыслах открытости. Это подметил и специалист по теории коммуникации Скот Джейкобс. Открытость, по его мнению, — это одна из главных ценностей в теории аргументации. Однако в литературе термин *открытость* встречается в двух смыслах — эпистемическом и социальном. Эпистемическую открытость Джейкобс описывает как открытость критическую, отождествляя ее со свободой мысли:

Здесь открытость обозначает что-то вроде отсутствия предубеждений (open-mindedness — букв. «открытость ума». — А.Э.) по отношению к другим идеям. Она подразумевает готовность рассматривать альтернативные точки зрения. Она требует некоторой неопределенности, недогматической установки, которая признает возможность ошибки в рассуждениях, или, по крайней мере, их улучшения. Открытость в этом смысле подразумевает готовность принимать критику, тщательно рассматривать предмет со всех сторон, поощрять попытки сфальсифицировать (теорию — А.Э.). Открытость в этом смысле — это свобода мысли (Jacobs, 2003, p. 149).

того доступа, как видно на примере многих зарубежных и отечественных изданий, которые бесплатны и для читателей, и для авторов. Одним из первых журналов с полностью открытым доступом стало издание *First Monday*, выпускаемое на субсидии от университета (Valauskas, 2015). Журнал входит в первый квартиль по юридическим наукам, а по компьютерным и интернет-наукам — во второй квартиль. Среди отечественных журналов можно назвать «Кантовский сборник», «Идеи и идеалы», «Эпистемология и философия науки». Журналы открытого доступа, которые не требуют оплаты от авторов, наиболее распространены в математике и социальных науках (Björk et al., 2016). По мнению автора данной статьи, именно такая модель работы должна стать стандартом для науки будущего.

Thus, modern science understands “openness” as accessibility of knowledge to the public, while the philosophy of science continues by and large to interpret openness according to Popper (see e.g., Longino, 1990; Montmarquet, 1987; Baehr, 2011). The difference probably arose because the movement for open access, while being a high-profile phenomenon in modern science, has yet to be theoretically studied.

Be that as it may, we can speak about two meanings of openness. This has been noted by Scott Jacobs, a specialist on the theory of communications. He argues that openness is one of the key values in the theory of argumentation. However, in the literature the term *openness* is used in two different meanings, epistemic and social. Jacobs (2003, p. 149) describes epistemic openness as critical, identifying it with freedom of thought:

Openness here means something like open-mindedness toward different ideas. It involves a willingness to entertain competing viewpoints. It requires a tentativeness, a non-dogmatic attitude that acknowledges the possibility of error or at least of improvement in thinking. Openness in this sense involves a willingness to entertain criticism, to engage in careful scrutiny of all sides of a position, to encourage efforts at falsification. Openness in this first sense, then, amounts to a call for freedom of inquiry.

By contrast, socio-political openness, according to Jacobs, is essentially the same as public-ity:

and authors. One of the first journals with totally free access is *First Monday*, subsidised by a university (Valauskas, 2015). The journal is in the first quartile on juridical sciences and in the second quartile for computer and internet sciences. Among the journals in Russia we can mention *Kantian Journal*, *Ideas and Ideals*, *Epistemology and Philosophy of Science*. Free access journals which do not charge authors are most common in mathematics and social sciences (Björk, et al., 2016). This writer believes that this mode of operation should become the standard of future science.

А вот социально-политическая открытость, по Джейкобсу, в сущности то же самое, что публичность:

Открытость здесь означает что-то вроде открытого доступа к процессу принятия решений в обществе. Она подразумевает готовность включить в процесс все заинтересованные стороны. Открытость в этом смысле подразумевает терпимость к социальным различиям, установку на приятие и поощрение социального разнообразия. Открытость в этом смысле — это свобода участия (*Ibid.*).

Несмотря на то что автор верно подмечает наличие у открытости двух смыслов, с разделением на «эпистемическую» и «социально-политическую» открытость трудно согласиться. Ведь понятие критической открытости имеет не только эпистемическую, но и очень большую социально-политическую нагрузку. Более того, оно изначально возникло в социальной философии; что касается открытости публичной, то и в этом случае открытость имеет эпистемическое значение, а для обоснования этого положения можно как раз обратиться к работам Канта.

Легко заметить, что, говоря о различии публичного и частного применения разума, Кант объединяет «эпистемическую» и «социально-политическую» открытость, свободу критики и публичность. Кант настаивает на неограниченном и свободном публичном использовании разума — в то время как частное должно быть ограничено: «...публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям. Но частное пользование разумом нередко должно быть очень ограничено, но так, чтобы особенно не препятствовать развитию просвещения» (AA 08, S. 37; Кант, 1994, с. 31). Частное применение разума, по Канту, имеет место тогда, когда человек находится на каком-либо посту или гражданской службе. Здесь Кант приводит пример офицера, который должен выполнить приказ, а не размышлять о его целесообразности. Священник должен проповедовать в рамках, дозволенных церковью:

Openness here means something like open access to social decision-making and public choice. It involves a willingness to include all interested parties. Openness in this sense involves a tolerance of social differences, a non-parochial attitude that accepts and even welcomes social diversity. Openness in this second sense, then, amounts to a call for freedom of participation (*ibid.*).

Although the author rightly points out that openness has two meanings, one can hardly concur with the division into “epistemic” and “socio-political” openness. The concept of critical openness carries not only an epistemic but also a heavy socio-political load. Moreover, it initially appeared in social philosophy; as for public openness, in this case openness has an epistemic meaning, and to validate this proposition we can turn to Kant’s works.

It will readily be seen that speaking about public and private use of reason Kant brackets together “epistemic” and “socio-political” openness, freedom to criticise and publicity. He advocates unlimited and free public use of reason whereas private use should be limited: “The *public* use of one’s reason must always be free, and it alone can bring about enlightenment among human beings; the *private use* of one’s reason may, however, often be very narrowly restricted without this particularly hindering the progress of enlightenment” (WA, AA 08, p. 37; Kant, 1996, p. 18). Private use of reason, according to Kant, occurs when a person holds some post or is in the civil service. Kant cites an example of an officer who must fulfil an order without reflecting on whether it makes sense. The priest should preach within the limits allowed by the church:

So too, a clergyman is bound to deliver his discourse to the pupils in his catechism class and to his congregation in accordance with the creed of the church he serves, for he was employed by it on that condition. [...] For what he

Точно так же священнослужитель обязан читать свои проповеди ученикам, обучающимся закону божьему, и своим прихожанам согласно символу церкви, ибо он с таким условием и назначен. <...> В самом деле, то, чему он учит как священнослужитель, он излагает как нечто такое, в отношении чего он не свободен учить по собственному разумению, а должен излагать согласно предписанию и от имени кого-то другого. Он может сказать: наша церковь учит так-то и так-то; вот доводы, которые она приводит (AA 08, S. 38; Кант, 1994, с. 32).

В то же время и офицер, и священник полностью свободны в своих мыслях, если речь идет о публичном применении разума, которое характерно для науки:

[Офицеру] как ученому нельзя запрещать делать замечания об ошибках в воинской службе и предлагать это своей публике для обсуждения. <...> [Священник] как ученый, он имеет полную свободу, и это даже его долг — сообщать публике все свои тщательно продуманные и благонамеренные мысли об ошибках в церковном символе и свои предложения о лучшем устройстве религиозных и церковных дел (AA 08, S. 37–38; Кант, 1994, с. 32).

Разделение открытой и закрытой рациональности у Швырёва близко к разделению публичного и частного применения разума у Канта. Публичное применение разума открыто в том смысле, что оно ничем не ограничено, мысль здесь полностью свободна.

Таким образом, именно интерпретация публичности как *открытости* у Канта является наиболее точным отражением смысла. Кроме того, у понятия открытости имеется еще один смысловой оттенок, который будет рассмотрен далее на примере Сократа.

Парресия: открытый Сократ

Как было сказано ранее, Сократ близок софистам в том отношении, что практикует философию публично. Вместе с тем образ софи-

teaches in consequence of his office as carrying out the business of the church, he represents as something with respect to which he does not have free power to teach as he thinks best, but which he is appointed to deliver as prescribed and in the name of another. He will say: Our church teaches this or that; here are the arguments it uses (WA, AA 08, p. 38; Kant, 1996, p. 19).

At the same time both the officer and the priest are totally free in their thoughts when we speak about the public use of reason characteristic of science:

He [the officer] cannot fairly be prevented, as a scholar, from making remarks about errors in the military service and from putting these before his public for appraisal. [...] as a scholar he [the clergyman] has complete freedom and is even called upon to communicate to the public all his carefully examined and well-intentioned thoughts about what is erroneous in that creed and his suggestions for a better arrangement of the religious and ecclesiastical body (WA, AA 08, pp. 37-38; Kant, 1996, p. 19).

Shvyrev's distinction between open and closed rationality is close to Kant's distinction between public and private use of reason. Public use of reason is open in the sense that it is not constrained by anything, thought is totally free here.

Thus, it is Kant's interpretation of publicity as *openness* that most accurately expresses the meaning. The concept of openness has yet another shade of meaning which will be considered below using the example of Socrates.

Parrhesia: The Open Socrates

As has been said earlier, Socrates is close to the Sophists in that he practises philosophy publicly. At the same time, the image of the

ста — это скорее образ хитроумного обманщика, но не разумно рассуждающего человека. Следовательно, публичность не обязательно подразумевает рациональность; однако в образе Сократа публичность и рациональность неразрывно связаны. Чтобы разрешить данное противоречие, обратимся к «Ватиканскому собранию изречений» Эпикура. Здесь можно найти высказывание, которое отдаляет Сократа от софистов и сближает его с натурфилософами: «Я предпочел бы, исследуя природу, откровенно, как оракул, вещать полезное всем людям, хотя бы и никто не понял меня, чем, приспособляясь к людским мнениям, пожинать в обилии уделаемую хвалу от толпы» (Эпикур, 1947, с. 617; см. также: Erler, 2011, p. 155).

Цитата раскрывает эпикурейское понимание того, как должен быть устроен философский дискурс. С одной стороны, философ стремится донести свои доктрины до аудитории. Однако он не желает любыми способами получить ее одобрение или снискать в ее глазах популярность, что было главной целью софистов. Философ в данном случае практикует «безусловную открытость», говорит все, что считает верным, и спокойно относится к тому факту, что он может столкнуться с непониманием. В приведенном тексте Эпикура понятие «откровенности» передается древнегреческим словом «парресия», которое буквально означает открытость, откровенность, или прямоту. Например, Аристотель употребляет слово «парресия» в «Никомаховой этике», когда говорит о том, каким должен быть великодушный человек: «Ненависть его и дружба необходимо должны быть явными (ведь и таиться, и правде уделять меньше внимания, чем молве, свойственно робкому); и говорит, и действует он явно (он свободен в речах, потому что презирает трусов, и он правдив [всегда], за исключением притворства перед толпой)» (Аристотель, 1983, с. 133 (1124b)). Здесь смысловое значение древнегреческого термина «парресия»

Sophist is rather like that of a smart trickster and not like a person who thinks reasonably. Consequently, publicity does not necessarily imply rationality; however, publicity and rationality are inseparably bound up in the image of Socrates. To resolve this contradiction let us turn to the *Vatican Sayings* by Epicurus. It contains an utterance which distances Socrates from Sophists and brings him closer to natural philosophers: “I would rather speak with the frankness of a natural philosopher, and reveal the things which are expedient to all mankind, even if no one is going to understand me, than assent to the received opinions and reap the adulation lavishly bestowed by the multitude” (Epicurus, 1987; see also Erler, 2011, p. 155).

The quotation reveals the Epicurean notion of what philosophical discourse should be. On the one hand, the philosopher tries to bring his doctrine across to the audience. But he does not try to win its approval by fair means and foul or to gain popularity in its eyes, which was the main goal of the Sophists. The philosopher practises “total openness”, says what he considers to be true and reacts calmly to the possibility of being misunderstood. In the above text of Epicurus the concept of “frankness” is denoted by the Greek word *parrhesia* which literally means openness, candor, forthrightness. For example, Aristotle (2000, p. 71) uses the word *parrhesia* in the *Nicomachean Ethics*, when he describes what a magnanimous person should be like: “He must also be open in his likes and dislikes, since hiding one’s feelings is characteristic of a fearful person, and he cares more for the truth than for what people think. And he must speak and act openly; for the fact that he is inclined to look down on people and to speak the truth, except when he speaks self-deprecatingly to the masses, makes him free in his speech (1124b).”

передано словами «явный» и «правдивый»; однако существует и более ранний перевод данного произведения Аристотеля, в котором для передачи значения используется слово «открытый»: «Он необходимо должен быть открытым врагом и открытым другом, так как только боязливый скрывает свои чувства. Он более заботится об истине, чем о мнении людей, поэтому его слова и дела открыты для всех. Он откровенно высказывается, ибо презирает людей; поэтому-то он говорит всегда правду, за исключением иронии: иронию же он любит в обращении с толпою» (Аристотель, 2020, с. 77).

Открытость, о которой говорит Аристотель, имеет свое начало в афинской политической культуре, в которой честное высказывание своего мнения по политическим вопросам считалось обязанностью каждого гражданина — даже в том случае, когда это могло быть опасным для него.

Мишель Фуко посвятил этому вопросу цикл лекций под названием «Речь и истина», в которых он подчеркивал мысль о закономерной взаимосвязи парресии с риском для высказывающегося и способностью говорить истину вопреки опасности лично для себя: «...о ком-либо можно сказать, что он применяет паррессию и заслуживает того, чтобы считаться парресиастом, в том и только том случае, если есть определенный риск, определенная опасность, создаваемая именно тем, что он высказывает истину. <...> парресия связана с опасностью и, соответственно, мужеством. Это мужество сказать истину вопреки опасности» (Фуко, 2020, с. 97–99).

Высказываясь прямо, человек подвергал себя осознанному риску быть отвергнутым, но при этом он осознанно шел на такой риск, понимая, что помогает полису принимать правильные решения. Аналогичный подход можно увидеть в приведенной выше цитате из эпикурейского трактата: философ стремится к тому, чтобы помочь всем людям, делаясь с ними тем,

The openness Aristotle refers to has its origin in Athenian political culture in which the honest expression of one's opinion on political matters was considered to be a duty of every citizen, even at one's own peril.

Michel Foucault devoted to this issue a series of lectures under the heading "Speech and the Truth" in which he stressed the logical interconnection between *parrhesia* and the speaker's risk and the ability to speak the truth in spite of the danger for oneself: "Someone is said to use *parrhesia* and merits consideration as a *parrhesiastes* only if there is a risk or danger for him or her in telling the truth. [...] *Parrhesia*, then, is linked to courage in the face of danger: it demands the courage to speak the truth in spite of some danger" (Foucault, 2001, pp. 15-16).

In speaking candidly, a person exposed him/herself to the conscious risk of being rejected, but they ran that risk consciously, realising that they were helping the polis to make the right decisions. A similar approach can be seen in the above quotation from the Epicurean treatise: the philosopher seeks to help people, sharing with them what he considers to be the truth, but in the process risks being misunderstood by some people. It is in effect a form of self-sacrifice for the good of society. Sophists, on the contrary, renege on this tradition and seek to gain popularity, i.e. seek personal benefit, even if that would involve sacrificing the truth. *Parrhesia* for the ancient Greeks always implied the quest of the truth, "the courage to speak the truth," to use the words of Foucault.

What distinguished Socrates from the Sophists was that he sought the truth above all, and not victory over the opponent at any cost. The image of Socrates is the ideal of a virtuous citizen in whom openness has the status

что считает истиной, но при этом подвергает себя риску быть этими людьми непонятым. По сути, это некая форма самопожертвования на благо общества. Софисты, наоборот, отступают от этой традиции и стремятся к тому, чтобы завоевать как можно большую популярность, то есть стремятся к личной выгоде — даже если ради этого придется пожертвовать истиной. Парресия же для древних греков, напротив, всегда подразумевала поиск истины, «мужество сказать истину», как отмечает Фуко.

Сократа от софистов отличало стремление в первую очередь к истине, а не к победе над оппонентом любыми методами. Образ Сократа — это идеал добродетельного гражданина, в котором открытость возведена в абсолют. Таким Сократ предстает в своей последней речи.

В диалоге «Горгий» Сократ, согласно Платону, называет прямоту, или открытость, одним из главных качеств наряду с умом и добротой, которые необходимы философу:

Я полагаю, чтобы надежно испытать душу в том, правильно она живет или нет, надо обладать тремя качествами — знанием, доброжелательством и прямотой, и ты обладаешь всеми тремя. Я часто встречаю людей, которые не могут меня испытывать по той причине, что не умны — в отличие от тебя. Другие умны, но не хотят говорить правду, потому что равнодушны ко мне — в отличие от тебя. А эти двое чужеземцев, Горгий и Пол, оба умны, оба мои друзья, но им недостает прямоты, они стыдливы сверх меры (Платон, 1990, с. 526—527).

Таким образом, парресия показывает дополнительный смысловой оттенок открытости, которая вовсе не является полным синонимом публичности. Следовательно, именно открытость подразумевает рациональность: хотя это понятие и близко по смыслу к публичности, но все же является более точным, поскольку позволяет провести различие между Сократом и софистами.

of something absolute. This is the Socrates we see in his last speech.

In the dialogue *Gorgias* Socrates, according to Plato, names frankness as one of the main qualities, along with intelligence and kindness, that the philosopher needs:

I have noticed that anyone who is to make an adequate test as to whether a soul is living well or the reverse must have three qualities, all of which you possess: understanding, goodwill and readiness to be perfectly frank. I encounter many people who are not qualified to put me to the test because they are not wise like you; others are wise but unwilling to tell me the truth because they have not the same regard for me as you; and our two guests here, Gorgias and Polus, though they are well disposed towards me as well as wise, are nevertheless somewhat lacking in frankness and more hampered by inhibitions than they ought to be (Plato, 2004, p. 72).

Thus, *parrhesia* reveals an additional shade of meaning of openness, a shade which is not a synonym of publicity. Consequently, openness implies rationality: although this concept is close to publicity it is more accurate because it reveals the difference between Socrates and the Sophists.

Conclusion

Kant's philosophy is relevant at all times: it explains the enigmatic figure of the ancient philosopher Socrates and the current movement for open access to scientific knowledge. The foundation of both is a special interpretation of reason which sees reason as a collective phenomenon. This perception captures the image of Socrates, this approach is the basis of modern science — Kant called it the “public use of reason”. However, as has been shown above, instead of the term “publicity” scholarly publi-

Заключение

Философия Канта актуальна во все времена: она объясняет и загадочную фигуру античного философа Сократа, и современное движение за открытый доступ к научному знанию. В основе и того и другого — особое понимание разума, в соответствии с которым разум рассматривается как коллективный феномен. Именно такое понимание передает образ Сократа, и именно такой подход является основой современной науки — Кант называл его «публичным применением разума». Однако, как было показано выше, вместо термина «публичность» в научных публикациях по философии Канта как на русском, так и на английском языке сегодня следует использовать более широкий и более точный термин «открытость».

Открытость является очень близким по смыслу и вместе с тем более широким понятием потому, что включает в себя целый спектр значений, такие как открытость к изменению и развитию. Одновременно с этим она является и гораздо более точным понятием, поскольку позволяет однозначно разделить и противопоставить методы Сократа и софистов.

Таким образом, сегодня можно говорить об «открытом применении разума» как основе рациональности и в философии, и в современной науке.

Список литературы

Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Человек в системе наук. М. : Наука, 1989. С. 332–342.

Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.

Аристотель. Никомахова этика / пер. Э. Л. Радлова. М. : Директ-Медиа, 2020.

Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М. : Канон+, 1994.

Зайцева З. Н. Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь. М. : Изд-во МГУ, 1998.

cations on Kant's philosophy in Russian and in English today should use the broader and more precise term "openness".

Openness is very close in meaning and at the same time is a broader concept because it includes a whole spectrum of meanings, such as openness to change and development, and at the same time is a more accurate concept inasmuch as it makes it possible to distinguish clearly and juxtapose the methods of Socrates and the Sophists.

Today we can speak about the "open use of reason" as the basis of rationality in philosophy and in modern science.

References

Addey, C., 2014. The Daimonion of Socrates: Daimones and Divination in Neoplatonism. In: D. A. Layne and H. Tarrant, ed. 2014. *The Neoplatonic Socrates*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 51-72. <https://doi.org/10.9783/9780812210002.51>.

Aristotle, 2000. *Nicomachean Ethics*. Translated and edited by R. Crisp. Cambridge: Cambridge University Press.

Averintsev, S. S., 1989. The Two Births of European Rationalism and the Simplest Realities of Literature. In: I. T. Frolov, ed. 1989. *Chelovek v sisteme nauk [Man in the System of Sciences]*. Moscow: Nauka, pp. 332-342. (In Rus.)

Baehr, J., 2011. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. New York: Oxford University Press.

Bartling, S. and Friesike, S., eds., 2014. *Opening Science: The Evolving Guide on How the Internet Is Changing Research, Collaboration and Scholarly Publishing*. Heidelberg: Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-00026-8>.

Bergson, H., 2002. *The Two Sources of Morality and Religion*. Translated by R. A. Audra and C. Brereton. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

Björk, B. C., Shen, C. and Laakso, M., 2016. A Longitudinal Study of Independent Scholar-Published Open Access Journals. *PeerJ*, 4, e1990. <https://doi.org/10.7717/peerj.1990>.

Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.

Каравяева С. В. Сократ в философских школах поздней античности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 3, ч. 2. С. 5–13.

Каравяева С. В. Ренессансное возрождение Сократа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 4. С. 44–53. doi: 10.25991/VRHGA.2021.2.21.005.

Курприянов В. А. Первые научные журналы и идея публичности разума в науке Нового времени // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 41–56. URL: <https://roii.ru/r/1/70.3> (дата обращения: 22.12.2022).

Московкин В. М. Развитие формальных научных коммуникаций в условиях экспоненциального роста знаний и цифровой революции // Международный форум по информации. 2008. Т. 33, № 2. С. 6–11.

Мочалова И. Н. Философия Сократа: формирование и трансформация советского канона // Платоновские исследования. 2020. Т. 12, № 1. С. 141–158. doi: 10.25985/PI.12.1.06.

Мочкин А. Н. Фридрих Ницше. Интеллектуальная биография. М. : Институт философии РАН, 2005.

Ницше Ф. Сократ и трагедия / пер. В. Бакусева // Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1, ч. 1 : Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / под общ. ред. И.А. Эбаноидзе. М. : Культурная революция, 2012. С. 185–200.

Пантелеев А. Д. Сократ в раннехристианской агиографии (II–IV вв.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб. : Наука, 2013. Т. 17. С. 668–679.

Платон. Горгий / пер. С.П. Маркиша // Соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 477–574.

Платон. Теэтет / пер. Т. В. Васильевой // Соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во СПбГУ ; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. С. 229–327.

Поппер К. Р. Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ. ; общ. ред. и сост. В. Н. Садовского. М. : Прогресс, 1983. С. 33–235.

Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1 : Чары Платона.

Рахманов И. В., Минина Н. М., Мальцева Д. Г., Рахманова Л. И. Немецко-русский синонимический словарь: ок. 2680 рядов. М. : Русский язык, 1983.

Brickhouse, T. C. and Smith, N. D., 2005. Socrates' Daimonion and Rationality. *Apeiron*, 38(2), pp. 43-62. <https://doi.org/10.1515/apeiron.2005.38.2.43>.

Cicero, M. T, 1990. *Tusculan Disputations II & V*. Edited and translated by A. E. Douglas. Oxford: Oxbow Books.

Curtin, D., 2014. Overseeing Secrets in the EU: A Democratic Perspective. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 52(3), pp. 684-700. <https://doi.org/10.1111/jcms.12123>.

Duden. öffentlich. [online]. Available at: <https://www.duden.de/node/154722/revision/1291071> [Accessed 22 December 2022].

Epicurus, 1987. Vatican sayings 29, 54. In: A. A. Long and D. N. Sedley, 1987. *The Hellenistic Philosophers. Volume 1. Translations of the Principal Sources with Philosophical Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 155.

Erasmus of Rotterdam, 1905. *Enchiridion militis christiani – The Manual of a Christian Knight*. London: Methuen & Co.

Erler, M., 2011. Parrhesy and Irony: Plato's Socrates and the Epicurean Tradition. In: R. A. H. King, D. Schilling, ed. 2011. *How Should One Live? Comparing Ethics in Ancient China and Greco-Roman Antiquity*. Göttingen: De Gruyter, pp. 155-169. <https://doi.org/10.1515/9783110252897.155>.

Foucault, M., 2001. *Fearless Speech*. Edited by J. Pearson. Los Angeles, CA: Semiotext.

Iamblichus, 1989. *On the Pythagorean Life*. Translated by G. Clark. Liverpool: Liverpool University Press.

Jacobs, S., 2003. Two Conceptions of Openness in Argumentation Theory. In: F. H. Eemeren, J. A. Blair, C. A. Willard and A. F. S. Henkemanns, ed. 2003. *Anyone Who Has a View*. Dordrecht: Springer, pp. 147-155. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1078-8_12.

Kant, I., 1996. An Answer to the Question: What is Enlightenment? In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11-22.

Karavaeva, S. V., 2018. Socrates in the Philosophical Schools of Late Antiquity. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3(2), pp. 5-13. (In Rus.)

Karavaeva, S. V., 2020. The Renaissance Revival of Socrates. *Herald of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 21(4), pp. 44-53. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.2.21.005>. (In Rus.)

Knox, D. K., 1998. Socrates: The First Professor. *Innovative Higher Education*, 23(2), pp. 115-126. <https://doi.org/10.1023/A:1022900208893>.

Соловьёв В. С. Статьи из энциклопедического словаря. Кант // Соч. : в 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева ; примеч. С. Л. Кравца и др. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 441–479.

Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Дело, 2020.

Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта / пер. с нем. под ред. Н. В. Мотрошиловой. М. : Культурная революция, 2007.

Цицерон М. Т. Тускуланские беседы / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М. : Рипол-классик, 2017.

Швырёв В. С. Рациональность как ценность культуры. М. : Прогресс-традиция, 2003.

Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества / пер. М. Кравцова. Иерусалим ; М. : Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997.

Шульга Е. Н. Научная рациональность в контексте европейского рационализма // Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации : материалы конф. с междунар. участием (Москва, 5–6 ноября 2019 г.). Курск : Университетская книга, 2019. С. 226–229.

Эпикур. Ватиканское собрание изречений / пер. С. И. Соболевского // Лукреций. О природе вещей. М. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2 : Статьи. Комментарии. Фрагменты Эпикура и Эмпедокла / сост. Ф. А. Петровский. С. 612–624.

Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина / пер. и коммент. Ю. М. Каган // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М. : Наука, 1987. С. 90–217.

Ямвлих Халкидский. О Пифагоровой жизни / пер. И. Ю. Мельниковой. М. : Алетея, 2002.

Addey C. The Daimonion of Socrates: Daimones and Divination in Neoplatonism // The Neoplatonic Socrates / ed. by D. A. Layne, H. Tarrant. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. P. 51–72. doi: 10.9783/9780812210002.51.

Baehr J. The inquiring mind: On intellectual virtues and virtue epistemology. N. Y.: Oxford University Press, 2011.

Bartling S., Friesike S. Opening Science: The Evolving Guide on How the Internet Is Changing Research, Collaboration and Scholarly Publishing. Heidelberg : Springer Nature, 2014. doi: 10.1007/978-3-319-00026-8.

Björk B. C., Shen C., Laakso M. A Longitudinal Study of Independent Scholar-Published Open Access Journals // Peer. J. 2016. Vol. 4. P. e1990. doi: 10.7717/peerj.1990.

Kraut, R., 2022. Socrates. In: *Encyclopedia Britannica*, [online]. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Socrates> [Accessed 22 December 2022].

Kreeft, P., 2009. *Socrates Meets Kant: The Father of Philosophy Meets His Most Influential Modern Child*. San Francisco: Ignatius Press, 2009.

Kupriyanov, V. A., 2020. The First Scientific Journals and the Idea of the Publicity of Reason in Modern Science. *Dialogue with Time*, 70, pp. 41-56. <https://roii.ru/r/1/70.3> (In Rus.)

Lamberton, R., 1995. The Απορρητοσ ΘεΩρια and the Roles of Secrecy in the History of Platonism. In: H. Kippenberg and G. Stroumsa, ed. 1995. *Secrecy and Concealment*. Leiden: Brill, pp. 139-152. https://doi.org/10.1163/9789004378872_011.

Lebedev, S., 2019. Communicative Vectors in the History of Philosophy. In: *International “Conference Communicative Strategies of Information Society” (CSIS 2018): Proceedings*. Dordrecht: Atlantis Press, pp. 174-177. <https://doi.org/10.2991/csis-18.2019.36>.

Longino, H. E., 1990. *Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton: Princeton University Press.

Mochalova, I. N., 2020. The Philosophy of Socrates: Formation and Transformation of the Soviet Canon. *Platonic Investigations*, 12(1), pp. 141-158. <https://doi.org/10.25985/PI.12.1.06>. (In Rus.)

Mochkin, A. N., 2005. *Fridrih Nicshe. Intellektual'naya biografiya. [Friedrich Nietzsche. An Intellectual Biography]*. Moscow: Institut filosofii RAN. (In Rus.)

Montmarquet, J. A., 1987. Epistemic Virtue. *Mind*, 96(384), pp. 482-497.

Moskovkin, V. M., 2008. Development of Formal Scientific Communications in the Context of Exponential Growth of Knowledge and the Digital Revolution. *Mezhdunarodnyj forum po informacii [International Forum on Information]*, 33(2), pp. 6-11. (In Rus.)

Nails, D., 1995. Socrates and Plato: Understanding the World and Changing It. In: K. Gavroglu, J. Stachel and M. W. Wartofsky, ed. 1995. *Science, Mind and Art*. Dordrecht: Springer, pp. 295-313. https://doi.org/10.1007/978-94-011-0469-2_17.

Nietzsche, F. W., 1999. *The Birth of Tragedy and Other Writings*. Edited by R. Geuss and R. Speirs; translated by R. Speirs. Cambridge: Cambridge University Press.

Nussbaum, M., 1988. Undemocratic Vistas. *Prometheus*, 6(2), pp. 382-400. <https://doi.org/10.1080/08109028808629323>.

Brickhouse T. C., Smith N. D. Socrates' Daimonion and Rationality // *Apeiron*. 2005. Vol. 38, № 2. P. 43–62. doi: 10.1515/apeiron.2005.38.2.43.

Curtin D. Overseeing Secrets in the EU: A Democratic Perspective // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2014. Vol. 52, № 3. P. 684–700. doi: 10.1111/jcms.12123.

Erler M. Parrhesy and Irony: Plato's Socrates and the Epicurean Tradition // *How Should One Live? Comparing Ethics in Ancient China and Greco-Roman Antiquity* / ed. by R.A.H. King, D. Schilling. Göttingen : De Gruyter, 2011. P. 155–169. doi: 10.1515/9783110252897.155.

Jacobs S. Two Conceptions of Openness in Argumentation Theory // *Anyone Who Has a View*. Dordrecht : Springer, 2003. P. 147–155. doi: 10.1007/978-94-007-1078-8_12.

Knox D. K. Socrates: The First Professor // *Innovative Higher Education*. 1998. Vol. 23, № 2. P. 115–126. doi: 10.1023/A:1022900208893.

Kraut R. Socrates // *Encyclopedia Britannica*. 2 December 2022. URL: <https://www.britannica.com/biography/Socrates> (дата обращения: 22.12.2022).

Kreeft P. Socrates Meets Kant: The Father of Philosophy Meets His Most Influential Modern Child. San Francisco : Ignatius Press, 2009.

Lamberton R. The Απορρητοσ Θεωρία and the Roles of Secrecy in the History of Platonism // *Secrecy and Concealment* / ed. by H. Kippenberg, G. Stroumsa. Leiden : Brill, 1995. P. 139–152. doi: 10.1163/9789004378872_011.

Lebedev S. Communicative Vectors in the History of Philosophy // *International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018) : Proceedings*. Dordrecht : Atlantis Press, 2019. P. 174–177. doi: 10.2991/csis-18.2019.36.

Longino H. E. Science as social knowledge: Values and objectivity in scientific inquiry. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Montmarquet J. A. Epistemic virtue // *Mind*. 1987. Vol. 96, № 384. P. 484.

Nails D. Socrates and Plato: Understanding the World and Changing It // *Science, Mind and Art* / ed. by K. Gavroglu, J. Stachel, M. W. Wartofsky. Dordrecht : Springer, 1995. P. 295–313. doi: 978-94-011-0469-2_17.

Nussbaum M. Undemocratic Vistas // *Prometheus*. 1988. Vol. 6, № 2. P. 382–400. doi: 10.1080/08109028808629323.

Öffentlich // *Duden*. 2023. URL: <https://www.duden.de/node/154722/revision/1291071> (дата обращения: 08.01.2023).

Panteleev, A. D., 2013. Socrates in Early Christian Hagiography (2nd to 4th Centuries). In: N.N. Kazansky, ed. 2013. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]*. Vol. 17. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 668-679. (In Rus.)

Plato, 2004. *Gorgias*. Translated by W. Hamilton and C. Emlyn-Jones. London: Penguin Classics.

Plato, 2014. *Theaetetus*. Translated by J. McDowell. Oxford: Oxford University Press.

Popper, K. R., 1985. *The Logic of Scientific Discovery*. London and New York: Routledge.

Popper, K.R., 2020. *The Open Society and Its Enemies*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.

Rahmanov, I.V., Minina, N. M., Maltseva D. G. and Rahmanova L. I., 1983. *Nemecko-russkij sinonimicheskij slovar': ok. 2680 ryadov [German-Russian Synonymic Dictionary: ca. 2680 rows]*. Moscow: Russkij yazyk. (In Rus.)

Shulga, E. N., 2019. Scientific Rationality in the Context of European Rationalism. In: *Pervye Stepinsk- ie chteniya. Sovremennyy etap razvitiya nauki i krizis tekhnogennoj civilizacii [First Stepin Readings. Modern Stage of Science Development and the Crisis of Technogenic Civilisation]*. *Proceedings of the Conference with International Participation (Moscow, 5-6 November 2019)*. Kursk: Universitetskaya kniga, 2019, pp. 226-229. (In Rus.)

Shvyrev, V. S., 2003. *Racional'nost' kak cennost' kul'tury [Rationality as a Cultural Value]*. Moscow: Progress-tradiciya. (In Rus.)

Solovyev, V. S., 1988. Stat'i iz enciklopedicheskogo slovary. Kant [Articles from the encyclopaedic dictionary. Kant]. In: A. V. Gulyga and A. F. Losev, ed. 1988. *Sochineniya v dvuh tomah [Works in Two Volumes]. Volume 2*. Moscow: Mysl, pp. 441-479. (In Rus.)

Steinsaltz, A. and Funkenstein, A., 1997. *Sociologiya nevezhestva [The Sociology of Ignorance]*. Translated by M. Kravcov. Jerusalem; Moscow: Institut izucheniya iudaizma v SNG. (In Rus.)

Valauskas, E. J., 2015. On Scholarly Communication, from the Perspective of an Open Access Journal, First Monday. *Uncommon Culture*, 16(2:12), pp. 28-44. Available at: <<https://journals.uic.edu/ojs/index.php/UC/article/view/6201>> [Accessed: 22.12.2022].

Velkley, R. L., 1985. On Kant's Socratism. In: R. Kennington, ed. 1985. *The Philosophy of Immanuel Kant*. Washington: Catholic University of America Press, pp. 87-105.

Valauskas E. J. On Scholarly Communication, from the Perspective of an Open Access Journal, *First Monday // Uncommon Culture*. 2015. Vol. 16, № 2 (12). P. 28–44. URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/UC/article/view/6201> (дата обращения: 22.12.2022).

Velkley R. L. On Kant's Socratism // *The Philosophy of Immanuel Kant* / ed. by R. Kennigton. Washington : Catholic University of America Press, 1985. P. 87–105.

Wildberg C. Socrates and Euripides // *A Companion to Socrates* / ed. by S. Ahbel-Rappe, R. Kamtekar. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. P. 21–35. doi: 10.1002/9780470996218.ch2.

Об авторе

Александра Асановна Элбакян, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: alexandra@elbakyan.io

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9540-5371>

Для цитирования:

Элбакян А. А. Открытое применение разума: Сократ и Кант // *Кантовский сборник*. 2023. Т. 42, № 4. С. 11–34.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-2

© Элбакян А. А., 2023.

Wildberg, C., 2006. Socrates and Euripides. In: S. Ahbel-Rappe and R. Kamtekar, ed. 2006. *A Companion to Socrates*. Oxford: Blackwell Publishing, pp. 21-35. <https://doi.org/10.1002/9780470996218.ch2>.

Zaitseva, Z. N., 1998. *Nemecko-russkij i russko-nemeckij filosofskij slovar'* [German-Russian and Russian-German Dictionary of Philosophy]. Moscow: Editorial of the MSU. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Alexandra A. *Elbakyan*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: alexandra@elbakyan.io

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9540-5371>

To cite this article:

Elbakyan, A. A., 2023. Open Use of Reason: Socrates and Kant. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 11-34. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-2>

© Elbakyan A. A., 2023.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)